

студент

ТАТЬЯНА Ларина выходит на сцену в своем знаменитом малиновом берете. В каждом движении проскальзывает и гордость, и уверенность в себе. Светская, ничего не значащая улыбка... А через несколько минут на сцене она признается Онегину: «Я вас люблю, к чему лукавить», но я другому отдана...» Во времени развертывания сюжета между этими двумя событиями проходит время, значительно большее, чем на сцене. Но есть правда жизни и правда театра, а опера — это театр. Учиться правде театра сложно. Для оперного актера вся его сценическая жизнь становится учебой, той самой учебой, которая в своей высшей стадии именуется мастерством.

Научно-педагогической и экспериментальной базой подготовки профессиональных оперных актеров является оперная студия Алма-Атинской государственной консерватории имени Курмангазы. Учатся в ней студенты-вокалисты, те, кто в будущем создаст своего Отелло или свою Чжо-Чжо-Сан. Здесь молодые музыканты получают серьезные профессиональные навыки. Здесь изучается актерская азбука, исключая пение ради пения, эффекты ради них самих.

Современная публика никакого «звукколакомства» не терпит. Конечно, певец должен иметь блестящие вокальные способности, но он же должен быть еще и актером. По существу, пение и игра составляют единый процесс в оперном спектакле. Пение — это лишь повышенная выразительность чувств, эмоций, которые передаются на сцене. Не случайно говорят, что там, где не хватает слов, начинается музыка...

Опера, один из сложных музыкальных жанров, требует огромных исполнительских навыков. В опере соединяются и пение, и музыка, и танец — искусства, имеющие свои особенности и специфику. Актеру же требуется овладеть всеми этими видами искусств, да еще искусством сценического движения. Задача чрезвычайно сложная, с которой справляются только упорные, волевые и талантливые люди. Совершенствоваться всегда можно до бесконечности, но определенную систему знаний и опыта будущей профессиональный оперный актер получает в рамках учебной программы. Существует мнение, что студент технического вуза учится для того, чтобы по окончании уметь быстро переквалифицироваться, переориентировать свои знания на новую технику, новые научные достижения. Студенты оперной студии учатся для того, чтобы уметь творить в каждом новом спектакле, чтобы каждый раз исполнять так, как будто в первый раз. А кроме того, они ведь овладевают репертуаром, который им, возможно, предстоит петь в будущем, и знакомятся с различными композиторскими стилями.

За тринадцать лет суще-

ствования оперная студия консерватории приобрела и «свой» репертуар, и свои (об этом можно с уверенностью говорить) традиции. Первым режиссером студии стал Евгений Павлович Павлов. В сороковые годы он был учеником в оперно-драматической студии К. Станиславского, и его основные методы работы прежде всего ориентированы на школу великого режиссера. Как и в экспериментальной студии Станиславского (о которой

Для этого актер должен учиться играть так, будто все происходит впервые. Он должен уметь выключить «валик заученного». Исполнение — это и повторение, и, всякий раз, импровизация. Оперная студия постоянно проверяет себя на зрителях. Ее аудитория — это и сельские клубы, и вузы города Алма-Аты, и воинские части. И когда диалог на сцене заставляет публику вслушаться, значит, возникает диалог между сценой и залом.

Искусство понимать искусство

ДИАЛОГ СО ЗРИТЕЛЕМ

Константин Сергеевич говорит, что она должна стать академией и для оперных, и для драматических актеров), первой оперой студийцев консерватории стала «Богема» Пуччини. Удивительно поэтичная, опера дает материал и для выявления вокальных способностей, и для богатого актерского воплощения. Пуччини был не только музыкантом, но и исключительным режиссером, чувствующим сцену. «Пуччини глубоко театральный человек, — говорил К. Станиславский. — Работая над «Богемой», сотрудники студии могут многому научиться». Привлекательность оперы, таким образом, существует и в ней самой, и в ее педагогическом значении.

Успех первой постановки вдохновил и на новые работы. Оперы целиком или отрывки из отдельных опер — и за всем этим кропотливая ежедневная работа. Опера «Евгений Онегин» Чайковского требовала вслушивания в каждую музыкальную интонацию, учила видеть ушами, как говорят французы. «Свадьба Фигаро» Моцарта приучала актера к богатому ансамблю, где можно было и противопоставить себя остальным героям, и, наоборот, слиться воедино в выражении чувств. По-новому петь надо было в опере Т. Хренникова «Фрол Скобеев». В опере, где переплетаются элементы комедийности, задушевной лирики, а местами и серьезного социального обличения. Только чуткость певца способна создать многоплановый характер.

Оперная студия — это школа, но школа, в которой дидактика опрокинута творчеством. Без творчества немислима была бы сама опера, которая «официально» существует около четырехсот лет и к которой решительно у всех людей существует «готовность». «Готовность» нельзя заменить другим, например, понятием «потребность». Потребность можно иметь в чем-то уже ведомом. Готовность к опере же — это готовность к большему у театральному переживанию, пробуждение стремления «разорвать панцирь повседневности, обыденности.

Оперный театр способен поражать, это театр с неизбежностью надо исполнять. Поэтому контакт с публикой, кроме того, что это вопрос мастерства, есть вопрос и социальный: образовываем, занимаемся образованием публики.

Научно-педагогическая база консерватории подготовила, много талантливых актеров. В студии учились ведущие ныне актеры оперного театра имени Абая — Ш. Умбеталиев, К. Бахтаев, М. Мусабаяев, П. Кес-Оглы, З. Койшибаева, Р. Джубатурова, А. Оспанова и другие.

На XIV съезде комсомола Казахстана говорилось, что современность дает массу тем для создания высокохудожественных произведений, однако не все в этой сфере человеческой деятельности нас может удовлетворять. Может быть, поэтому в оперной студии был лишь единственный опыт постановки оперы молодого алма-атинского композитора Б. Лучинского. Это была одна-единственная опера «Мать изменника». К сожалению, интересное начинание не имело своего продолжения. А кто знает, может быть, стремление знакомиться с новыми сочинениями в оперной студии привело бы к созданию ярких, оригинальных сочинений? «Готовность» постановки сценического произведения как нельзя лучше стимулировала бы наших молодых композиторов в работе над таким серьезным жанром, как опера. Оперная студия — это не только школа вокального мастерства. Она могла бы стать лабораторией казахской советской оперы и творческой базой молодых композиторов. Именно так она мыслилась в годы своего создания.

Сейчас студенты вокальной кафедры готовят новую программу. Одиннадцати выпускникам будет предоставлена возможность показать технику вокального искусства, способности оперного актера, ибо завтра — это уже профессиональные служители музыки.

А. СОКОЛОВ,
студентка Алма-Атинской государственной консерватории имени Курмангазы.